

Лутц фон Падберг

Этика

между
самовыражением личности
и Богоориентацией

Lutz von Padberg, Etik

© 1989 by Verlag der Liebenzeller Mission

Лутц фон Падберг, Этика

© 1995 Миссия Фриденсботэ (Вестник Мира)

Missionswerk FriedensBote

Postfach 10 03 07

51603 Gummersbach

Germany

Übersetzung aus dem deutschen: A. Rogalsky
Satz und Titelgestaltung: VES, Meinerzhagen

Missionswerk
FriedensBote
1995

Содержание

Предисловие	7
Положение этики в конце 20-го столетия	
I. Проблема принятия решений	9
II. Современное состояние этической дискуссии	13
A. Этические модели	14
1. Этика долга	14
2. Этика утилитаризма	15
3. Этика самовыражения	16
4. Этика релятивизма	16
B. Области этических проблем современности	17
1. Беззащитность нерожденной жизни	18
2. Естествознание и этика	23
3. Средства массовой информации и этика	25
4. Этическая недостаточность церковного плюрализма	27
B. Этический плюрализм и его последствия	30
Необходимость этики, основанной на Библии	
I. Значение фундаментальных положений для обоснования этики	33
II. Библейская этика	36
A. Основы библейской этики	36
1. Мерило	36

<i>2. Источник</i>	38
<i>3. Форма</i>	39
<i>Б. Право на всеобщее применение библейской этики</i>	41
<i>1. Десять заповедей как вечный фундамент</i>	42
<i>2. Общее познание Божьих заповедей</i>	44
<i>В. Ведущие направления библейской этики</i>	45
<i>1. Предпосылки библейской этики</i>	46
<i>2. Ступени библейской этики</i>	47
<i>3. Сущность библейской этики</i>	48
III. Необходимость библейской этики	50
<i>A. Значимость заповедей</i>	51
<i>Б. Связь с Богом</i>	52
<i>В. Свобода делать добро</i>	53
<i>Ссылки</i>	54

Предисловие

В одном вопросе сходятся все обозреватели нашего времени: мы живем в эпоху кризисов. Вопреки экономическому развитию все большее количество людей все чаще ощущают нестабильность основ и утрату ясных масштабов. И как раз в противоречивости мнений вырисовывается всеобщая беспомощность. И эта часто проявляющаяся неспособность к конкретным решениям выявляется в различных областях: в религиозных убеждениях и в нормах морали, в политических оценках и в экономических суждениях.

Как же нам поступить правильно? Этот вопрос возникает все снова и снова. И если кажется, что общепризнанные мерки определения добрых и худых поступков отсутствуют, то все же в каждом единичном случае каждый убежден в правильности своего решения. И, конечно, всякий согласится с необходимостью делать добро. Но в том-то и проблема нынешнего века – что есть добро? И пока мы не знаем, что такое добро, то этот принцип нам мало о чем говорит. Значит, нужно выяснить, существуют ли вообще и если „да“, то каковы они, мерки определения абсолютного добра.

Ввиду несостоительности многочисленных философских и идеологических направлений в этом жизненно важном вопросе ответ христиан особенно необходим. Предлагаемая брошюра имеет целью оказать помощь в становлении этого ответа. Она не

является библейско-теологическим изучением вопроса этики, а лишь попыткой по результатам разработки проблем настоящего времени указать на необходимость библейского основания этического поведения. Ее цель – помочь христианам в беседах с людьми, подавленными современной дезориентацией.

Июнь 1989 года
Лутц фон Падберг

Об авторе. Доктор Лутц Е. фон Падберг изучал историю, германистику и философию. До 1985 года он преподавал в университете в Мюнстере (Германия). С 1986 года он является доцентом истории церкви и философии в независимой теологической академии в Гиссене и профессором истории церкви на факультете евангельского богословия в г. Левен (Бельгия). Во многих своих выступлениях и публикациях профессор Лутц Е. фон Падберг критически рассматривает вопросы современных веяний и направлений и оценивает их с точки зрения библейского реализма.

Положение этики в конце двадцатого столетия

I. Проблема принятия решений

Вопросы этики пользуются спросом. В последнее время было организовано столько „этических конференций“, что пресса заговорила об „этическом буме“. Прямо-таки штурмом этика овладевает наиболее жгучими проблемами нашего времени. Соответственно появились и новые этические направления, начиная от „этики мира“ и до „биоэтики“ и „медицинской этики“. И даже в политике ставится уздание на так называемой моральной ответственности. Посредством этого трезвая реальность интересов и легальных эгоизмов заменились большей частью моральным проклятием с одной стороны и моральной поддержкой с другой стороны.

Подобная реабилитация этики, возможно, и удивляет, но легко объясняется современными общественными затруднениями. И все же, к концу второго тысячелетия становится все более очевидным, что идея прогресса своего обещания организации жизни вне страха, к всеобщему неудовольствию, не содержала. Так как сообщения современных средств коммуникации о катастрофах различного порядка наводят повсеместно страх, то зародился и распространился „экуменизм ужаса“. Настрой этот уставлива-

ется еще гнетущими, требующими разрешения проблемами современности, начиная от „мира во всем мире“ и до возможностей генной биологии. Такой узел затруднений заставляет все больше людей искать новую мораль, новый образ мышления, потому что традиционные образцы поведения оказались неспособными к разрешению проблем.

Это осмысление вещей поразило вдруг двойным открытием. Во-первых, что этическая ориентировка оказывается необходимой. Во-вторых, что эта этическая ориентировка недостаточно зрела. Если обратить внимание на полосу современных проблем, к примеру, заболевание СПИДом, то такая оценка оправдывается. Если до недавнего времени люди были озабочены угрозой безработицы или атомными катастрофами, то на сегодняшний день их захватывает страх заражения СПИДом. По предварительным данным этой болезнью заражены 120000 граждан Германии, из которых 80 процентов не знают о своей инфекции.

Современные школы этики

Как же реагируют различные современные школы этики (о которых мы позже несколько подробней будем говорить) на этот вызов?

Этика долга требует соблюдения существующих законов. Поэтому она предлагает соблюдение Федерального закона об эпидемиях и принудительного помешания в изолятор.

Этика утилитаризма,* которая пытается каждому гарантировать счастье, пропагандирует использование изделий из резины. Соответственно этому-то и было уже предложено в виде безобидных игр обучать учеников в возрасте 11-13 лет в школах тому, как обращаться с презервативами.

Этика самовыражения личности позволяет каждому удовлетворить всякое желание без каких-либо ограничений и вытеснить страх заражения.

Этика релятивизма (или относительности) предоставляет каждому человеку самому устанавливать моральные нормы. Поэтому она затрачивает неимоверные усилия на развязку проблемы: как избежать людям инфекции без надобности существенно изменить образ жизни. Потому-де, что от „достигнутой“ в 60-е годы сексуальной свободы отказаться невозможно.

Вместо библейской этики...

Только сторонники библейской этики осмеливаются открыто заявить, что причина СПИДа в большинстве случаев таится в искаженной половой жизни и наркомании. Гомосексуализм же и промискуитет** являются преступлениями заповедей Божьих (Лев. 18, 22; Рим. 1, 27; 1 Кор. 6, 9). Таким образом СПИД является судом Божиим за греховную жизнь. Апостол Иаков в связи с этим констатирует: „Похоть же, зачавши, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть“ (Иак. 1, 15).

От этого краткого наброска участков противоречия, который ясно характеризует кризис этики, мы подходим к самой проблеме: какая этика на сегодняшний день еще действительна? Или в соответствии с нашим примером более практический вопрос. Как же теперь реагировать на заболевание СПИДом? Имеем ли мы право или можно ли вообще говорить о единой действительной этике?

В рамках „какой-нибудь“ этики поступает каждый, даже и „нулевая этика“ тоже этика. Одно ясно: обязательность начальной христианской этики обществом больше не признается, иначе зачем тогда было отправляться на поиски новых ориентиров. Включение ее в повестку дня говорит о сомнении: в состоянии ли вообще христианская этика разным людям в разных обстоятельствах дать соответствующее и целесообразное указание? Главный вопрос состоит в том, каково соотношение неизменных норм и изменяющихся обстоятельств.

...приспособленческая мораль

Раньше были такие социальные единицы как лавки, цеха, семейные производства и, наконец, сама семья, которые отстаивали общепризнанные нормы. Вследствие определенных общественных процессов эти группы исчезли, в связи с чем заяла и ориентация на христианский этос*. Устойчивый порядок уступил место морали, готовой приспособиться к любым общественным обстоятельствам. Апробация

этой концепции в последние два десятилетия привела к не очень убеждающим результатам. Отказ от традиции христианской этики показывает, что человек явно не способен выработать добро в самом себе. Поскольку признать этого не хочется, остается одно: искать все новых этических концепций. Такова ситуация, в которой мы находимся. Потому есть необходимость заняться проблемой этики.

II Современное состояние этической дискуссии

Что такое этика вообще? В отличие от эмпирических наук, старающихся описать и на каждый отдельный случай объяснить человеческое и социальное поведение, у этики совсем другое предназначение. Она не столько заинтересована тем, как человек действительно поступает, сколько тем, как бы он должен поступать; не столько тем, какое мнение он в настоящий момент отстаивает, сколько тем, что он должен бы отстаивать.

Таким образом, этика занята добром, вопросом о ценностях, которые человек должен был бы выработать, и – совершенно справедливо – вопросом, какие его, человека, моральные обязанности. Чтобы в соответствии с актуальностью ситуации, освещенной в начале, ответить на эти вопросы, нам необходимо прежде обсудить некоторые распространенные модели и следствия из них.

A. Этические модели

1. Этика долга

Виновником радикальных изменений в истории развития определения этики является Иммануил Кант. В своем труде „Основы метафизики нравственности“ (1785) он отвергает внешнemоральные ценности как основание этики (т. н. телеологическая этика, например, „желание“ у Эпикура или „власть“ у Ницше). Кант основал ее единственно на убеждении необходимости почитания закона, продиктованного разумом (т. н. уставно-деонтологическая этика).

Эта этика долга нашла свою классическую формулировку в „категорическом императиве“ Канта: „Действуй так, чтобы сущность твоего желания всякий раз могла бы служить и основой законоположения для всех“.

Этим исключительно формальным утверждением Кант перенес основы этических действий в волю человека. Нравственность должна основываться на практическом разуме, посредством которого человек в силе победить зло.

Таким образом, этика полагается на закон, выработанный самим человеком, а мораль подчинена воле общества. Этот шаг от теономии* к автономии имел решающее значение в развитии этики в новое

время, потому что Кант перенес масштаб различия добра и зла на самого человека. Современное положение показывает, что Кант этим самым переоценил возможности человека.

2. Этика утилитаризма

Утилитаризм воздвигает пользу широкого круга людей в принцип этических действий. При этом мотивы и осмысление поступков не рассматриваются, а только результат. Действие тогда бывает нравственно верным, если оно в итоге принесет человеку максимум счастья.

Проблема этой позиции в том, как отдельным личностям определить, что есть счастье для всего человечества.

Если окончательной нормой служит всеобщая польза, то все зависит от того, как истолковать эту пользу. Опасность этой теории легко определить, проследив, что совершается „во благо общества“ в тоталитарных государствах.

Поэтому утилитаризм, в измененном облике ставший основанием марксистско-ленинской этики, уже рано стал объектом критики. Макс Вебер осудил его как нелепую, чуждую миру фантазию этики убеждений и противопоставил ему, следом за Кантом, этику ответственности.

Здесь с самого начала ясно одно: ссылаясь на человеческие мотивы действий всегда бывает сложно.

3. Этика самовыражения

Эта форма этического поведения взвешивает последствия только с собственной точки зрения, и потому она эгоистична (разновидности: гедонизм и нарцизм)*. „Разрешено все, что нравится“ – это направление захватило большую часть нашего общества. Собственное удовольствие – высшая цель программы самовыражения. Сторонники этого вида этики считают, что, если бы все люди получили возможность проявить свою сущность, счастье на земле умножилось бы и идеальное общество было бы близко.

Самовыражение есть ничто иное как эгоцентричный идеал, реализация которого, как правило, осуществляется за счет других, разрушая при этом постепенно солидарность общества. Если бы каждый жил только по компасу своей похоти, то и до анархии было бы недалеко.

4. Этика релятивизма

Культурный релятивизм – это „точка зрения, связывающая моральные взгляды и поведение человека в соответствии с его потребностями и социальными условиями данной культуры, так что никакие моральные понятия не могут иметь универсальной пригодности“. Таким образом, утверждается, что общепригодных моральных оснований быть не может (т. н. тезис дивергенции**). Имеющиеся оценочные формы полностью зависят от культурных отношений

(т. н. тезис обусловленности). Это представление описывает, в общем-то, только образ действия, в вопросе же оценки этической правильности действий оно абсолютно несущественно.

Проблематичность культурного релятивизма уясняется легко: если невозможно сравнивать мораль различными культурами, то что можно было бы возразить против массового уничтожения людей национал-социалистами? Если этика не имеет более глубокого смысла, тогда право определяется силой.

Б. Области этических проблем современности

Положение общества на исходе двадцатого столетия ставит человека перед несравненно большими проблемами, чем когда-либо. Все еще возрастающее ускорение технического развития предъявляет чрезмерные требования к способностям человеческого ума. Множество предлагаемых идей для контроля над прогрессом привело к плюрализму* мнений и ориентиров, который сам по себе относителен и потому не способен дать желаемую твердую позицию.

Явным признаком такой ситуации служит ненадежность этических суждений. Сегодня можно прямо говорить о том, что общество фатальным образом примирилось с моральным хаосом. И, кажется,

мы уже почти готовы принять это как цену за „благословения“ современного образа жизни.

Этот процесс привыкания зашел уже так далеко, что простые и ясные решения и правила кажутся сомнительными. Все доброе и здоровое как призыв к устойчивым нормам и ценностям читается сомнительным. Кто сегодня следует заповедям Божиим, тот, вследствие этого, должен оправдываться перед обществом. Кто же, напротив, следует в жизни только собственным желаниям и настроению, кажется, имеет на своей стороне и право.

Эта ситуация извращения изначальных моральных представлений доказывается множеством примеров. Мы выберем несколько областей этических проблем, о которых в последнее время говорилось в прессе.

1. Беззащитность нерожденной жизни

Дебаты по 218 параграфу (по Конституции Германии этот параграф ограничивает проведение абортов, т.е. аборт разрешается только в том случае, если беременность угрожает жизни матери или ребенка) не успокаиваются уже годами. Некоторые хотят отменить его вообще, другие желают его более строгой формулировки.

В настоящее время в Министерстве по вопросам семьи идет дискуссия по проекту нового Закона об обязательных консультациях перед абортом. Здесь ясны два момента: во-первых, ежегодно в ФРГ

умерщвляются в утробе матери 300 тысяч детей. Предполагается, что с 1945 года по настоящее время уничтожено в полном смысле слова 10 миллионов детей.

Во-вторых, в обсуждении никакого другого Закона не говорилось столько о необходимости действия по совести, как о параграфе 218. При аборте указывается на изменение образа мышления, делается упор на совесть, сознательность, тогда как при изнасиловании (по настоянию партии Зеленых – и в браке), убийстве и воровстве действует принцип наказания. Из парадных речей политических деятелей можно сделать вывод: кража велосипеда в нашем обществе – поступок, более достойный наказания, чем умерщвление нерожденного ребенка. Хотя число абортов ясно говорит о дефиците изменения сознательности, никто и не думает о введении вновь наказуемости.

Пренебрежение человеком

Вся эта дискуссия о параграфе 218 ошеломляюще конкретизирует этический распад современного человека. Правильно заметил недавно Роберт Шпемани: „В разрешении аборта на виду у всей общественности кроется сегодня столько человеческого пренебрежения, сколько не бывало еще ни в одном архаичном обществе“.

Мюнхенский философ обвиняет также поддерживаемую церковными консультационными пункта-

ми „аморальную систему, которой, по всей вероятности, защита животных важнее (так, канцлер из ста ежедневных писем 25 получает по делу защиты животных и от двух до трех по делу защиты детей). За аргументами защитников абортов стоит, по словам Шпеманна, „одно желание отстоять полосу возможного убийства“. Об этом говорит и сегодняшняя дискуссия специалистов права. В соответствии с проектом от 20 января 1988 года Закон о консультациях ни в коем случае не должен быть усугублен. Более того, оплачивание медицинского лечения бесплодия должно быть изъято из финансирования больничных касс, тогда как, для многих христиан неприемлемое, финансирование абортов – нет.

Трагично

Трагичность всей этой проблемы еще более возрастает, если представить себе, что женщинам, сторонницам абортов, противопоставлены те, которые очень желали бы иметь детей, но естественным путем их иметь не могут. И в таких случаях медицинские возможности приводят к неожиданным проблемам. Например:

Некие супруги желают иметь ребенка. Прошло несколько лет совместной жизни, когда оба были заняты вопросами образования, профессии и обеспечением материальной базы. А теперь ожидаемый так страстно ребенок не появляется. Супруги идут к врачу, принимают гормонные препараты. Когда

Хельга Б. обнаруживает, что она беременна, – радости ее нет границ. Но вскоре на одном из приемов гинеколога она узнает, что ожидает двойню. Тоска ложится на сердце, когда последующее обследование усматривает рождение тройни. Еще следующее ультразвуковое обследование устанавливает наконец, что Хельга Б. ожидает сразу пятерых детей. Будущая мать в отчаянии. Велик риск, что эти пятеро могут появиться на свет с тяжелыми дородовыми повреждениями или быть вообще не жизнеспособными. К тому же, нет гарантии, что Хельга сможет перенести эту беременность без особых последствий. Врачи советуют оставить в живых не всех развивающихся зародышей, а „сократить“, как выражаются медики, их число до двух.

Врачи женской клиники, куда направляется эта женщина для срочного определения, чувствуют себя сильно ограниченными во времени. Главный врач клиники после долгого раздумья в выходные дни отказывается дать свое согласие на „редукцию“. Реакция была быстрой и решительной: в одной из университетских клиник беременность обрывается на основании медицинских показаний.

Ненадежность медицины

Этот случай произошел несколько лет назад. На одной из дискуссий по пренатальной* диагностике и терапии в Бамберге с 5-8 мая 1988 стало ясно, что проблема теперь разрешена. В случаях многоплодо-

вой беременности, которые бывают все чаще из-за применения гормонных препаратов, умерщвление эмбрионов возможно посредством селективных инъекций особого медицинского раствора до тех пор, пока останется желаемое их количество. Медицинское название этой операции „редукция“ кажется позаимствованным из словаря нечеловеческих чудовищ. На этом примере становится избыточно очевидной этическая ненадежность медицины.

Злоупотребление в спорте

Если случай Хельги Б. говорит о трагизме современных возможностей, то наш последний пример показывает явную бесчеловечность.

едавно на одном конгрессе в Страсбурге швейцарский гинеколог Рената Гух сообщила, что в большинстве видов спорта атлетки используют беременность в качестве допинга. Поскольку в большинстве случаев беременность в первые месяцы ведет к заметному возрастанию работоспособности организма женщины, то ею обеспечиваются заблаговременно перед решающими состязаниями и затем между третьим и шестым месяцами ее снова обрывают. Этот метод допинга существует на практике почти везде, но хранится в тайне.

Два обстоятельства бросаются в глаза при разборе примеров из этой проблематики.

Во-первых, осуждающие говорят о праве женщины на самостоятельность, о проблемах одиноких ма-

терей, о трудностях в обществе, но о необходимости перемен в сексуальной жизни (например, отказ от добрачных половых связей или сдержанности в браке) мало кто думает. А о детях вообще разговору нет. Спрашивается, сколько еще сможет себе позволить такая богатая страна, как ФРГ, хладнокровно преступать Божьи заповеди?

Во-вторых, технические возможности современной медицины завели и врачей и пациентов в тупик их возможностей решения этических проблем. Без четких этических норм, как показывают наши примеры, ослепление возможностями побеждает спокойное взвешивание последствий. Вера в возможное и фантазия врачебного всемогущества подпитываются сложной аппаратурой и технической сноровкой.

Но можно ли помочь человеку, если рассматривать его только как сумму биологических составных частей? Девальвация* человека в „подопытного кролика“, как будто в гуманных целях, будет развиваться, если не начать задумываться об этической ответственности медицины.

2. Естествознание и этика

Интенсивные прикладные исследования генной технологии открывают все больше возможностей для прямого воздействия на наследственность человека. Представляется возможным производить людей с определенными наклонностями и способностями.

Взять посредством генотехнологии эволюцию в свои руки – такова мечта исследователя.

Вырастающая за этими видимыми успехами эйфория от прогресса готова для достижения этой цели экспериментировать на людях. Многие естествоиспытатели разлагают человека до биологических его составных частей и делают его объектом своего научного любопытства и своего неисчерпанного еще желания экспериментировать и изменять. Известные нам издревле границы жизни – рождение и смерть – все больше размываются. Аналогом искусственного оплодотворения и генманипуляции вначале жизни скоро будет соответствовать на ее исходе эвтаназия*. Многие естествоиспытатели настолько ослеплены своими успехами, что никакие постановки этических вопросов не способны их поколебать.

Игрушка биотехников

Это выяснилось недавно тоже на одном из заседаний итalo-швейцарского Бальзанского фонда в Венеции. Там некий австралиец, Петер Зингер, отстаивал свое специфическое направление – экспериментирование на человеческих эмбрионах и, причем, с авантюристическим аргументом, что-де необходимо работать с человеческой тканью, ибо эмбрионы класса хомо сапиенс (в переводе: человек, разумное существо) в отличии от животных менее чувствительны к боли. „Поскольку эмбрион не обладает никакими отличительными свойствами, ко-

торые делали бы умерщвление человеческого существа недостойнее умерщвления существа животного, то он пригоден и желателен для опытов“.

Зингер предлагал использовать избыточные эмбрионы при многозародышевом оплодотворении для опытов, что означает их уничтожение во имя науки как вклад в регулирование населения земли. По-видимому, он так и не понял, что это противоречит уже заявленной главной цели этого мероприятия – удовлетворить желание бесплодных женщин стать матерями.

Одно становится и здесь понятно: прогресс естествознания слепо стремится вперед, не имея ясной этической цели. Сведение человека до его материального начала обесценивает и обезличивает его. Он становится экстравагантной игрушкой биотехников, „конструируемой и реконструируемой и, таким образом, подобно машине, обезличенной“.

При этом отказ под знаком прогресса от руководствования этическими принципами теряется достоинство человека и его индивидуальное своеобразие как творение Божье.

3. Средства массовой информации и этика

И в области средств массовой информации также царствует необычный этический дефицит. Бульварная пресса не особо-то считается с достоинством человека и его правом на интимную сферу. Жажда сенсаций не знает преград, а критикомания и ме-

лочные развлечения составляют ландшафт коммуникативных средств.

Особенно ярко заметной была нехватка моральных ориентировок у журналистов при подготовке так называемого случая Баршеля (1987). Правильно, конечно, было раскрыть проделки премьер-министра. Но выбор времени и способ освещения заставляют усомниться в моральной безупречности самозванных стражей морали.

Часто право общества на его полнейшую информированность и просвещенность служит только предлогом для сенсационных и похотливых репортажей, повышающих тираж изданий. Страдание и несчастье единичных людей переносятся в слове и в фотографиях в квартиры других и, таким образом, выставляются напоказ общественности.

Таким же образом процветает бизнес на страхе. Возьмем хотя бы только как пример истерию, нагнетаемую средствами массовой информации после катастрофы Чернобыля. Гражданам постоянно сообщались результаты измерения радиоактивности, информационный интерес которых для них в принципе был равен нулю. Зато нарастал страх и неуверенность.

Мы отказываемся от других примеров, имея в виду, что каждому читателю должно быть знакомо, что довольно часто журналистская ориентация означает дезориентацию.

4. Этическая недостаточность церковного плюрализма

В дискуссии об аборте евангельская (лютеранская) церковь из-за своего оппортунизма довольно часто говорила не то, что должна была бы говорить, чтобы не стать соучастницей аморальности. И вообще руководители этой церкви, не под стать своим католическим коллегам, очень сдержаны в вопросах этики.

Что может быть здесь удивительного, если евангельская церковь возвысила плюрализм до своего руководящего мотива. Можно говорить и делать почти все, что вздумается, главное, быть готовым к диалогу с инакомыслящими.

Лучшим доказательством тому служат „дни церкви“. Об этом уже так много говорилось, что мы хотим привести здесь другие примеры. На первый взгляд кажется, что они ничего не имеют общего с этикой. Однако они выявляют, насколько церковь из-за своего плюрализма отдалилась от заповедей Божьих и, таким образом, все больше теряет доверие.

Вспомним почитание главы тибетского буддизма Далай Лама евангельско-теологическим факультетом Тибетского университета. Ему 16 июня 1988 года была присуждена премия Леопольда Лукаса. Просто невероятно, что христиане награждают буддиста, который выдает себя за богочеловека. К тому же ряду относится приветственное слово председателя Со-

вета евангельской церкви Германии, берлинского епископа Мартина Крузе, к мусульманским гражданам. Там он отмечает следующее: „На нас с вами лежит общая ответственность подвизаться в прославлении Бога. Это означает также, что жизненные условия должны нами быть так организованы, чтобы они преумножали славу Божью. Потому мы, христиане, в эти месяцы особенно озабочены темами праведности, мира и охраны творения. Мы уверены, что в этом мы с вами находимся на одном пути“. На возмущение многих христиан по поводу этого письма председатель Совета отреагировал, что данные слова надо рассматривать как „обмен дружескими приветствиями“, а не как „учение“.

Убогость этических масштабов происходит от утраты духовного центра. Таким образом, как это подтверждается приведенными фактами, теряется и право на абсолютность Бога.

Этическое заблуждение

Последним примером исходящего из утери основы нашей веры и ослабленного иммунитета церкви является „Глаубергское исповедание вины“.

Речь идет о составленной священником Михаэлем Бланке и его супругой Кристой из гессенского города Веттераи исповеди о неисполненной христианами обязанности в отношении к животным, а именно: „Мы, христиане, должны признать свою не-

состоятельность, потому что мы в своей вере забыли о животных. Мы не исполнили диаконское поручение Иисуса и нашим наименьшим братьям, животным, не служили. Мы как священники боялись дать место животным в наших церквях и общинах. Как церковь мы были глухи к стенаниям притесненных и угнетенных тварей“. К общему числу подписавших это исповедание, которых оказалось более сорока, принадлежит и штуттгарский епископ Йорг Цинк.

В одном из сообщений прессы священник и его супруга подчеркнули, что многие любители животных, которые из-за „упущений церкви в отношении к животным повернулись спиной к общинам“, теперь вновь проявляют интерес к вступлению в церковь. Таким образом, 10 июля 1988 года состоялось „богослужение с людьми и животными“, на котором кроме людей присутствовали и разного вида животные. Это „служение“ транслировалось по второй программе германского телевидения из Глауберга.

Никто не имеет ничего против оказания внимания Божьей твари, но такое ни во что ставит поручение Божье человеку (Быт. 1,28) и меняет значимость творения. Весь объем этического заблуждения (и в евангельской церкви) становится очевидным, если сравнить это заступничество за животных с тем, что было сделано с нерожденной еще жизнью.

В. Этический плюрализм и его последствия

Упомянутые области этических проблем показывают, что все вкратце описанные выше этические модели не могут быть признаны годными к употреблению.

И все же они все еще применяются в практической жизни часто в смешанном виде и частных концепций.

В итоге – этический плюрализм, который вряд ли сможет помочь в разрешении назревших и напирающих проблем нашего времени. Единственной точкой минимального согласия всех мнений оказалось приспособление этики к ситуации.

Американец Иосиф Флетчер ввел ввиду этого термин „ситуационная этика“. Он констатирует: „Добро и зло проявляются в каком-либо деле или поступке не изнутри, но обуславливаются сложившейся обстановкой... Что служит помощью другому – то хорошо, что ему во вред – плохо... Ведущей моралью в решениях христианина является любовь и ничто иное... Только цель оправдывает средства и ничто иное...“

На практике это осуществляется таким образом, что в отношении к шестой заповеди (Исх. 20, 14) Флетчер отмечает:

„Если, например, в одной семье для блага души и духа родителей и детей наилучшим образом послужил бы развод, то любовь в этом случае оправдывает развод.“

Разрушающая безнравственность

В конце концов в этой концепции речь идет о соглашательной этике: образ действий обуславливается переменчивой полезностью. Этически устойчивые нормы здесь нежелательны, потому что всякая ценность должна быть сперва установлена обществом. Единственной обязательной нормой является христианская любовь к ближнему. По ней посредством разумного взвешивания и в полной независимости должен каждый и в каждом единичном случае ориентироваться. Эта этика при всякой законности желает сохранить право на индивидуальное действие, но ликвидирует, тем самым, не только законность, но и нравственный закон и является, таким образом, выражением всеобщего демонтажа обязательных нравственных устоев общества.

Тем самым мы приближаемся к непосредственной причине кризиса этики. Главная проблема, видимо, заключается в том, что этическая норма ищется в самом человеке. Была бы она действительно фундаментально осмысленной, то должна была бы положительно повлиять на действия человека в истории. Но именно этого и не произошло. Таким образом, итогом этического плюрализма оказывается „мораль, зависящая от мнения общества и превращающаяся в безнравственность“. Именно это чувствуют сегодня многие и потому ищут новые ориентиры.

Утрата ценностей

В общем-то эту проблему узрел Фридрих Ницше уже более ста лет назад. В известном рассказе о безумном человеке он констатирует факт Божьей смерти и делает вывод: „Бог мертв! Бог останется мертвым! И мы Его умертвили!.. Не слишком ли велик этот подвиг для нас? Не должны ли мы сами превратиться в богов, чтобы удостоиться его? Такой величины подвига еще не бывало“.

Ницше далее делает вывод, что человеку остаются теперь только две возможности: или опять возвратиться на ступень животных („последний человек“), или же он возвысится до ступени сверхчеловека. Во всяком случае, наше поколение не знает больше абсолютной истины. Человек является существом, ориентирующимся на самого себя, который сам должен побеспокоиться о собственной ответственности за образ собственных мыслей. „Умерщвление“ Бога непременно влечет за собой утрату ценностей.

Достоевский выразил это заключение в еще более короткой форме: „Где нет страха Божьего, там все позволено“. Проблема заключается в том, что человек в этой свободе не находит ориентиров. Он просто-напросто не в состоянии, исходя из самого себя, выработать этические нормы.

Необходимость этики, основанной на Библии

I. Значение фундаментальных положений для обоснования этики

Такие понятия как этика, обычай, мораль, добродетель, ценность и норма часто понимаются как синонимы. В толкованиях, например, в энциклопедических словарях всегда подчеркивается, что речь здесь идет об основах и традициях, которые усматриваются обществом обязательными для человеческого общежития и которые вырабатывались с течением времени.

Но это определение, исходящее из сущности человека и общества, а также из культурного их развития привело, как мы видели, этику к кризису. Поэтому для обоснования устойчивой этической теории необходима дифференциация, т. е. различение в данном случае четырех аспектов: случай, правило, принцип и основоположение.

Всякому этическому действию всегда предшествуют особые обстоятельства, которые требуют от нас определенных решений. Если мы обдумываем такие случаи, то обычно опираемся на определенные правила, которые применимы в различных областях общественного сосуществования. Они имеют в виду нечто общее, наша же задача приспособить их к единичному случаю.

Строгих правил на каждый возможный случай не бывает. Поэтому необходимо положить в основание этих правил всеобщие принципы. Ссылка на такие принципы оправдывается в свою очередь ссылкой на теологические и философские основы и предпосылки.

Если применить эту концепцию к знакомым десяти заповедям (Исх. 20, 1-17; Втор. 5, 6-21), то открывается следующая картина.

Случаем является вопрос о том, разрешен ли этически на основании социальных признаков аборт. В этом случае мы можем применить правило пятой заповеди, на основании которой умерщвление не разрешено и, следовательно, нерожденная еще жизнь представляет собой определенную ценность. Принципами, на которые опирается это правило, являются любовь и справедливость. Основой же заповеди жизни является собственное изречение „Я Господь, Бог твой“ (Исх. 20, 2), которое является вступлением к десяти заповедям.

Справедливость и любовь

Не общественное согласие должно быть привлечено в разрешении случая, но норма, исходящая со стороны, а именно: от Бога. Только она одна располагает категориальными функциями для жизни человека. Моральные правила же в виде административных указаний недостаточны, и к тому же приводят к приоритету единичного случая.

Ситуационная этика утверждает, что в жизни человека не существует универсальных основ и принципов. Ее правила приобретают таким образом вид образца, базирующего на опыте прошлого. Для будущего же эти правила не имеют никакого обязывающего элемента. Принципиальная же этика или этика, базирующаяся на определенных основах, предлагает, напротив, норму, не зависящую от развития и изменения культуры, но стоящую на основе таких принципов, как „любовь“ и „справедливость“.

Это никакие не противоположности. Справедливость подчеркивает правильный внешний порядок жизни, тогда как любовь – больше дело внутреннего и личного порядка. Любовь без справедливости была бы бесформенной и бесцельной. Справедливость без любви – бессердечной и холодной. Вместе же они составляют принципы царства Божьего, которые объединяются в еврейском приветствии „Шалом“.

Такая библейская этика кажется мне, ввиду современного кризиса, единственно способной к разрешению проблем. Поэтому ее разрешающую способность мы хотим рассмотреть ниже.

II. Библейская этика

А. Основы библейской этики

Уже греческое слово „этос“ отражает привычное сегодня значение, означающее „порядок, обычай“. Если поступать так, как предписывает установленный людьми порядок, то это будет этически правильно. Эта этика сориентирована антропоцентрично (человекоцентрично).

Библейская же этика прилагает усилие в обратном направлении. Она прежде всего сориентирована богоцентрично. Она не следует мнению большинства, но в вопросе искания этических направлений ищет ответа у Бога в Его требованиях. На Него и только на Него должны ориентироваться человеческие действия.

Основой теоцентрического направления является просто-напросто факт сотворения человека. Результатом необходимой привязанности к Творцу являются последующие основы библейской этики.

1. Мерило

Бог является мерилом добра и доброты, поэтому всякое этическое действие должно найти свое основание в Нем. Причиной этого библейского определения является тот факт, что только Бог один может быть назван добрым. Это подчеркнул Иисус в беседе с богатым человеком (Мар. 10, 17-31): „Никто не

благ, как только один Бог“ (Мар. 10, 18). Соответственно воля Божья определяет, что является добром и из чего нужно исходить в этических действиях, а именно: „благая, угодная и совершенная“ (Рим. 12, 2).

Только посредством соединения с волей Божьей эти выражения приобретают свое значение. Без этого фундамента они оказались бы наряду со всякими другими понятиями. Павел связывает их в Послании к Римлянам, кроме того, еще с необходимостью „разумного служения“ и с требованием „не сообразуйтесь с веком сим“ (Рим. 12, 1-2).

Таким образом, человек был лишен права в своей воле устанавливать этические нормы, ибо и в то время различные взгляды в мире были подвержены изменчивости духа времени. Таким образом, нормы падшего мира не могут быть схожими с Божьей волей к доброму. Этим выясняется, что библейская этика выше общественных норм, что и необходимо поведать миру всеобъемлющим и коренным образом.

На это указывает и формулировка „разумное служение“. Христианин должен призвать на помощь и разум, дабы всей своей жизнью показать Божью волю добра.

Таким образом, Творцом и Господом закладываются основы этики, которые человеком как Его творением не могут более подвергаться сомнениям. Они, основы этики, не бросают человека на произвол судьбы, но поручают Божьей цели спасения.

2. Источник

„Основополагающим источником этического познания является откровение. Исходя из Библии, вопрос познания правильного и неправильного отнюдь не плод философскихисканий, но дело принятия Божественных откровений. Познание Божественной воли (что равно знанию правильного) произрастает прежде всего из поучения в Его законе“. Потому Павел отмечает, что обучение закону и, более того, познание и проникновение в Божье дело спасения делают способным понимать „в чем дело“ (Рим. 1, 18; Фил. 1, 10). Оно говорит даже о возможности познания добра у язычников через самоосуждение:

„Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую...“ (Рим. 2, 14-15; 1 Кор. 11, 14). Павел этим утверждает не этическую автономию в смысле философии нашего времени (потому что знание того, что есть добро, не исходит из человеческой природы), но факт его богоизображения и после грехопадения.

Отчуждение человека от Бога вследствие грехопадения требует новой ориентировки. И основополагающим источником, таким образом, являются не природа или совесть, которые, в общем-то, способны задать определенное направление, но Божье Сло-

во. Соответственно этому Павел разъясняет значение Библии своему сотруднику Тимофею: „Все Писание богоухновенно и полезно для обучения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко вся кому добром делу приготовлен“ (2 Тим. 3, 16-17). В писанном откровении Божием становится неподдельно ясно, что хорошо, а именно то, что Бог как учредитель этических норм в этом отношении определил.

3. Форма

Основанное на Божием Законе этическое наставление человека осуществляется в форме заповедей. В противоположность методу философской этики, требующей логических земных доказательств, библейские авторы просто устанавливают заповеди. Этот метод постулатов (утверждений без доказательств) исходит из того, что они понимали себя глашатаями Божих откровений.

Провозглашенная ими основополагающая этическая заповедь есть подражание Богу. Поскольку Бог является совокупностью доброго поведения в личности, то подражание Богу есть высшая цель человека.

Эта перспектива многократно повторяется в Библии, так, например, при описании заповедей в Ветхом Завете. „Ибо Я Господь, Бог ваш: освящайтесь и будьте святы, ибо Я свят, и не оскверняйте душ ваших...“ (Лев. 11, 44).

В Новом Завете не говорится ничего нового. Иисус Христос требует только от своих последователей, чтобы они стремились достичь милосердия и этического совершенства своего небесного Отца: „Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный“ (Мат. 5, 48). „Итак будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд“ (Лук. 6, 36). „Итак подражайте Богу, как чада возлюбленные“ (Еф. 5, 1).

Теперь становится ясно, почему требуемого ситуационной этикой единственного закона любви – недостаточно. Как можно любовь определять ценностью, если речь идет только о счастье и благополучии человека? Единственной основой остаются личные ощущения (опыт), которые в качестве обязующей нормы теперь действительно ненадежны.

Как фундамент и здание

Библия оценивает человека гораздо выше, чем то, что он нам кажется в действительности, поскольку рассматривает его как Богоподобную личность. Соответственно этому Иисус в ходе теологических дебатов на вопрос о наибольшей заповеди ответил цитатой Ветхого Завета: „Первая из всех заповедей: „слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единий; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... и всею крепостию твою...“. Вторая подобная ей: „возлюби ближнего твоего, как самого себя“ (Мар. 12, 29-31; Втор. 6, 4; 10, 12; Лев. 19, 18).

Библейская этика, таким образом, ставит на первое место прославление Бога. Любви к самому себе и к другим недостаточно. Любовь к Богу имеет приоритет, а другие формы любви должны произрастать отсюда.

Можно таким образом обобщить, что основополагающим в библейской этике является неотделимость этических заповедей от познания Бога. „Богопознание и этика связаны подобно фундаменту и зданию“.

Эта связь становится понятной, если представить себе построение Послания апостола Павла: они начинаются всегда основательно разработанной теологической основной частью, за которой следует отступление с этическими указаниями. Библейская этика соответствует библейской доктрине, – это и есть решающее познание. И только при таком соединении этика может стать дееспособной. Поскольку этого недостает современным этическим теориям, то неудивительна их неудача.

Б. Право на всеобщее применение библейской этики

Только что раскрытые основы библейской этики только тогда имеют смысл для наших общественных ситуаций, если удастся показать их право на всеобщее применение. Если это не удастся, то она представит собой одну из многих теорий. Словом „богоподобие“ в общем-то уже сказано самое существ-

венное. Мы хотим конкретизировать это еще посредством двух аспектов.

1. Десять заповедей как вечный фундамент

Являются ли десять заповедей законом кочевников, неподходящим более окультуренному человеку современной цивилизации? Некоторые теологи придерживаются этого взгляда. Его должно опровергнуть по двум причинам.

Прежде всего, историческим местом действия декалога (десяти заповедей) является, конечно, „Израиль“ (ср. Втор. 4, 1). Но Христос не отменил этот закон, что много раз подтверждается в Новом Завете (Мат. 5, 21. 27-33).

Посредством Нового Завета все последователи Христа стоят наравне с патриархом Авраамом (Гал. 3, 29; Рим. 11, 17).

Поэтому Карл Барт метко заключает: „Декалог является „основополагающим событием истории Израиля...“, программой всей истории этого народа... И прообразно всей истории Его избранной Церкви; подготовленной и давшей знать о себе в Израиле и исшедшей из Израиля...“

Он является основным статусом Божественного завета благодати, распространяющегося на все времена“.

Таким образом, десять заповедей для народа Божьего сегодня, как и тогда, действительны.

Управлять мы должны сами

Во-вторых, десять заповедей являются общим выражением абсолютного добра. Они для всякого являются мудрой и понятной формулировкой добра и справедливости (Втор. 4, 5-6; Рим. 2, 14-15).

На этом основании-то и стала, во всяком случае, вторая скрижаль декалога во всем цивилизованном мире основой всеобщего чувства нравственности. В этих заповедях Творец выражает закон жизни Своего творения.

Таким образом, эти заповеди становятся большим благодеянием Бога всему живущему, потому что выражают нечто, способствующее жизни.

Здесь устанавливается пространство, в котором жизнь человеческая процветает; все же, что происходит по ту сторону обозначенной границы, – разрушает жизнь.

Поэтому те, кто не желает хаоса, должен в своем решении исходить из этих заповедей. Но декалог не является для христианина общей этикой. Он скорее устанавливает рамки добра, своего рода вехи на ведущей к цели дороге. Управлять автомобилем мы уже должны сами.

Для библейской этики Нового Завета десять заповедей образуют рамку, которая заполняется под руководством Духа Святого по принципам справедливости и любви. Они не упраздняются, но дополняются.

2. Общее познание Божьих заповедей

Сознание добра и зла дано каждому человеку так, что он в состоянии понять десять заповедей как выражение добра. Бонхофер назвал это „законом жизни“. Здесь можно говорить и о природном праве, конечно, не в том философском смысле, обозначающем всеобщую нравственность, которая якобы развилась исторически.

Библейское природное право исходит из того факта, что все творение упорядочено и подчинено Божиим стремлениям. Соответственно этому Библия многократно свидетельствует о нравственности, заложенной при творении (ср. Мат. 19, 4-12; 1 Тим. 4, 1-5; Иак. 3, 9). Библия указывает на то, что творение свидетельствует о нравственном законе, что творение указывает на те добрые намерения, которые Бог имел, создавая нас, и на то, что Божье право является и правом творения.

Это общее познание заповедей Божьих раскрывается апостолом Павлом в Послании к Римлянам. Он говорит там о греховой запутанности людей, „...подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им; ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познавши Бога... и не возблагодарили, но осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце“ (Рим. 1, 18-21).

Но человек уклоняется

В этом тексте выявляются центральные категории человеческого естества, рассматриванию которых здесь нет места. Становится ясно, что человек знает существенное о Боге и доброе, но уклоняется от этого познания в греховном поведении и вследствие этого все больше запутывается в узах вины. На этом основании для этики недостаточна ссылка на совесть (греч. Сънеидесис – способность находить связь между вещами и выносить приговоры), поскольку она неустойчива и часто является несовершенным путеводителем.

Этическая обязанность, как станет ясно далее, не самовозлагается и не устанавливается обществом. Это категория Бога. И никто не освобожден от этой моральной ответственности.

К этому природному знанию должно присоединиться Божественное откровение в Его Слове. Не существует этоса без того, чтобы слушать Бога, и без упования на Слово Его... Библейский этос является полностью гетерономным*, человеку преподнесенным, а не автономным, в нем самом зародившимся этосом.

В. Ведущие направления библейской этики

Хотя этический закон жизни десяти заповедей доступен каждому, все же задачей христиан является засвидетельствовать о Божием желании любви и

справедливости больше, чем это сказано в декалоге, как доброго намерения Божьего спасения всех людей. Этим аспектом мы желаем заняться в заключении.

1. Предпосылки библейской этики

В одной ночной беседе с ученым Никодимом Иисус недвусмысленно подчеркнул: „истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия“ (Иоан. 3, 3).

Здесь и во многих других местах Нового Завета становится ясно, что перед всякой христианской этикой должно иметь место обновление человека посредством возрождения от духа. Кто не переживет этого в своей жизни, т. е. не сделает объективное от Бога предложение спасения субъективным, личным, тот не способен познать превосходящее декалог намерение Божьей доброй воли.

Только исполнение Духом Святым приносит новое побуждение. К этому факту есть многочисленные примеры в Библии и в истории христианства. Вспомним только Закхея, начальника таможенных чиновников из Иерихона, который из обиателя превратился в добродетеля (Лук. 19, 1-10), и Августа Германа Франке, который в результате своего обращения развел в Галле и за его пределами невообразимое служение любви.

Эти люди поступали по этике в самом глубоком смысле, но не из самих себя, а от обновленного Ду-

ха. Он одарил их двойным даром: помышлением добра и силой осуществления добра.

2. Ступени библейской этики

Только что приведенная нами связь оправдания и этики освещает особую обязанность христиан. Связав это с нашими вышеприведенными рассуждениями, мы приходим к трем ступеням библейской этики, по-разному затрагивающим общество:

Основополагающей ступенью является этика Божьего способа сохранения творения. Она содержит общие человеческие обязанности, выраженные природным законом в десяти заповедях. Мы находим их в отрицательно сформулированном так называемом „золотом правила“, имеющемся почти во всех культурах. Он гласит: „Что ненавистно тебе самому, того не делай никому“ (по Товии 4, 16).

Здесь речь идет об обязательствах по сохранению жизни и гражданском кодексе о профессиях, а также требованиях справедливости и правомерности, об этосе взаимности и социальной общности.

Ступенью выше является этика искупленных как нечто особенное среди общих христианских обязанностей. Это заповедь Иисуса Христа с ее специальными предписаниями церкви, а также „золотое правило“, теперь уже сформулированное положительно: „Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними“ (Мат. 7, 12), по-

тому что в этом состоит заповедь любви, общение с Богом, отказ от своего права, любовь к врагам, миссионерское поручение и диакония.

Высшей ступенью является так называемая дифференциальная этика. Она в состоянии в определенных условиях прийти к таким решениям, которые обуславливаются личностью и ситуацией. К этой области относится индивидуальное действие Духа Святого в каждом христианине отдельно, выражющееся в различных дарах и служениях.

Эту систему можно было бы назвать и применением учения о троичности в этике. В указаниях этих трех кругов столько же мало противоречия, сколько в трех лицах Троицы. Эти три круга являются как бы вложенными друг в друга в таком смысле: актуальное указание Духа остается всегда в рамках учения Христа, и оно же в свою очередь держится заповеди Отца и Творца, даже если и учение Христа предлагает большее; любовь есть исполнение закона. Деятельность по сохранению творения, миссионерская деятельность и духовенность – это три поля деятельности и ступени библейской этики.

3. Сущность библейской этики

Нам, христианам, должно быть особенно важно в эпоху изменчивых норм четко обозначить библейскую этику. Поэтому мы не можем согласиться с тем, что протестантская этика последователей Канта сблизилась с древней добродетельной формой этики,

для которой нравственное формирование личности важнее, чем служение ближним.

Мы не можем согласиться и с тем, что недифференцированное понятие любви возводится в единственную норму деятельности и при этом все конкретные дары Божьи становятся относительными. Решающим фактором является любовь к Богу как неотъемлемый корень всякого этического действия, потому что отсюда только произрастает мотивация творения добра.

Не станем скрывать, что в поисках этических решений мы все снова будем попадать в конфликты, что необходимые решения требуют от нас серьезного изучения Священного Писания. Проблема будет состоять в том, чтобы распознать волю Божью в каждой конкретной ситуации. В Рим. 12-ой главе апостол Павел указывает нам, что воля Божья открывается только тому, кто отдает себя Богу в полное распоряжение, кто готов расстаться с нормами этого мира и кто, наконец, свой разум подчиняет обновляющей силе Божьей.

Кто живет под водительством Божиим, тот сможет представить нашему потерявшему Бога современному человечеству двойную целенаправленность библейской этики: миссионское поручение Бога для сохранения творения и обновления человека.

III. Необходимость библейской этики

Сегодня часто говорится о „переоценке ценностей“. Эта формула, однако, приводит в заблуждение. Потому что результатом этого действия, как показывают многочисленные примеры, является отречение от ценностей. И плюрализм (признание возможного множества) этических представлений приводят к тому, что эти модели упраздняют друг друга.

Протестантские церкви все же оченьдержаны в вопросе установления этических норм. Слишком прав оказался Президент федерального конституционного суда Роман Герцог, который недавно жаловался, отвечая на вопрос о роли христианской этики в правовом государстве: „Что еще значит христианская этика в такое время, когда один говорит так, а другой иначе? Я не знаю такого должностного лица в нашем государстве, которое не приняло бы охотно этически обоснованного совета церкви. Если же вместо ответа приходит целая путаница ответов, приходится действовать по собственному убеждению“.

Поручение принимать всерьез

Именно так поступает сегодня большинство людей. Но кажется, что они все больше понимают, что этого недостаточно. Поэтому растет спрос на ориентир. Вопрос, какая этика приемлема, сверх актуален. Надеюсь, мне удалось показать, что это может быть

только библейская этика. Если мы всерьез принимаем наше поручение, которое ставит нас в зависимость от заповедей Божьих и в будничной жизни, то это, на мой взгляд, и является нашей задачей утверждать эту библейскую этику во всех сферах жизни. Разъясним еще в заключении три аспекта.

A. Значимость заповедей

Одной из высших задач христиан в сегодняшнем кризисе норм является постоянное напоминание непоколебимого значения Божьего закона и прямое требование его признания в обществе. Потому что „Праведность возвышает народ, а беззаконие – бесчестие народов“ (Прит. 14, 34). Это всеобщее определение имеет силу и в современном светском мире. Потому что Бог является Творцом окружающей нас действительности. Со дня грехопадения все творение находится во внутреннем противоречии между виной и судьбой (Рим. 1, 18-32), под бременем бренности (Рим. 8, 19-22) и в противоречии желания добра и делания зла (Рим. 7, 14-23). Именно поэтому отдалённая от авторитета Божьего свобода приводит человека ко все большему отчуждению.

В противовес проистекающему отсюда последствию самоуничтожения человека нужно пояснить, что заповеди Бога продиктованы Его доброжелательным отношением к человеку. Они ограждают его и желают обеспечить ему настоящую жизнь. Не автономия, но теономия гарантирует жизнь. Это имеет

значимость именно тогда, когда государственные законы оттесняют Божью заповедь жизни, как в случае с параграфом 218. Здесь имеет значение свидетельство апостолов: „Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам“ (Деян. 5, 29). Это требует от христиан занятия определенных позиций, а также диаконского (благотворительного) действия.

Б. Связь с Богом

Человек находит свою настоящую идентичность только в связи с Богом. Отход от представлений норм из чистого стремления к абсолютной свободе привел, как ясно показывает история философской этики, в заблуждение. Настоящая свобода существует только под авторитетом Бога. Этому служат, наконец, и Божьи этические установления, связывающие Его последователей. Возвещая их всей своей жизнью, они показывают падшему миру, как в зеркале, добрую волю Бога. Христиане познали добро, и это налагает определенную ответственность. Во Христе они являются „новой тварью“ (2 Кор. 5, 17). Поскольку Дух Божий обитает в них (Рим. 8, 14), их этические действия защищают высшую ступень. Через Слово Божье они более глубоко различают добро и зло, а также навыки к правильному познанию. Соответственно этому Павел молится за колоссян, „чтобы вы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всем угодная Ему, при-

нося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога, укрепляясь всякою силою по могуществу славы Его, во всяком терпении и великодушии с радостью“ (Кол. 1, 9-11).

В. Свобода делать добро

Библейская этика конкретна, потому что побуждает к добрым делам. В ходе реформистских дискуссий между учением о заслугах и учением об оправдании говорилось, что протестантизм задолжал добрых дел. Это не соответствует утверждению Библии.

Павел подчеркивает: „Ибо благодатию вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять“ (Еф. 2, 8-10).

Необходимо заметить здесь небольшую разницу: не от добрых дел, но для добрых дел! Делание добра является целью Евангелия. Это добро без необходимости заслужить себе что-либо этим. Оправдание, одна из центральных тем протестантизма, является также свободой действий в добрых делах. Имеется в виду совершение добра без задней мысли заработать что-либо для себя, для собственного оправдания. Это и является задачей христианина в этических дебатах нашего времени.

Ссылки

стр. 11 * утилитаризм от лат. утилитас – польза, выгода. Направление в этике, считающее пользу основой нравственности и критерием человеческих поступков.

стр. 11 ** промискуитет от лат. промисцуус – смешанный, общий; термин для обозначения предполагаемой стадии ничем не ограниченных отношений между полами, предшествовавших установлению каких-либо норм брака и форм семьи.

стр. 12 * этос – характер, образ мышления или комплекс чувств и качеств, определяющих этико-моральные ценности личности.

стр. 14 * теономия – первоначально означала подчинение закону Божьему. В настоящее время вылилась в усиленную форму автономии, утверждающую, что личность свободна от всяких других авторитетов, так как якобы подчинена только Богу. В тоже время личность сама определяет, что для нее является законом Божиим.

стр. 16 * гедонизм от греч. хедоне – наслаждение; этическая позиция, утверждающая наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения и сводящая к нему все многообразие моральных требований.

стр. 16 * нарцизм (или автоэротизм) – изменение направления сексуальной страсти на собственное тело, влюбленность в собственное тело, носящее характер сексуальных желаний.

стр. 16 ** дивергенция от позднелат. – расхождение.

стр. 17 * плюрализм от лат. плуралис – множественный; философская позиция, согласно которой существует несколько или множество независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия.

стр. 21 * пренатальная диагностика – дородовая диагностика

стр. 23 * девальвация – обесценивание (уменьшение официального золотого содержания денежной единицы страны или снижение ее курса по отношению к валютам других стран, осуществляемое в законодательном порядке).

стр. 24 * эвтаназия – прекращение жизни (в случае заболевания неизлечимой болезнью) при помощи медикаментов и других средств.

стр. 45 * гетерономная этика – система нормативной этики, основанная не на собственных нравственных принципах, а на началах, взятых из другой сферы общественной жизни.

млтвы

Лютц фон Падберг

Молитва

Ди вседержитею, вѣже силах и вслѣдъ пло-
ти, въ вышнихъ живый, и на смиренныя
призирай, сердца же и оутрѣбы испы-
тай пред-
іный свѣте,
и преложе-
їю, пріими
щее времѧ,
дерзающе,

между
самовыражением личности
и Богоориентацией

и скверныхъ какъ твои оутреніятворимъ, и
остави намъ прегрешенія наша, также дѣ-
ломъ, и словомъ, и мыслю, вѣдѣніемъ или
некѣдѣніемъ согрешенія наші, и очисти
нашъ вслѣдъ скверныя плоти и дѣла, и даруй
намъ бодрѣніемъ сердцемъ и трезвенною
мыслию всю насторожаго житїѧ нощь прѣйтї,
ожидайющимъ пришествїя свѣтлаго и гвален-
наго днѧ. Единороднаго творца сна гла и

... от веры 2
в веру

рли

оутренія

по дѣ-
шесѧ,
дѣланій
кѣстѣ
и дѣже
нензреч
доброт
скѣтъ,
такъ по-

Такъ
твои
наші,
сонахъ в
ление т
даримъ

беззаконіи наши, но членъ коли есть ко-
бахъ обычнѡ, и къ нечестіи лежащихъ мы

Этика

Лютц фон Падберг

2

Этика

Где современные этические нормы?
Существуют ли твердые нравственные ориентиры?

Эти и подобные вопросы волнуют многих людей, которые задумываются над кризисом этических представлений. Все яснее вырисовывается картина, что в основу этики нельзя брать изменчивую совесть человека или анонимное общество с его мерилом оценки ценностей, нельзя опираться и на теорию самовыражения личности.

Настоящая брошюра описывает положение этики в 20-ом столетии и показывает, что причиной утраты ценностей является неверие. Утеря связи с Богом влечет за собой дисгармонию межчеловеческих отношений – вот в чем трагедия современного общества.

Как выход из создавшегося кризиса представлены основы библейской этики. Она базируется на Божих заповедях, которые облагораживают человека и побуждают его к добрым делам.

